

Звезда по имени Свет

Вспоминая Святослава Николаевича Кнушевицкого

Результурга - 1998 -
2-8 июля - с. 6

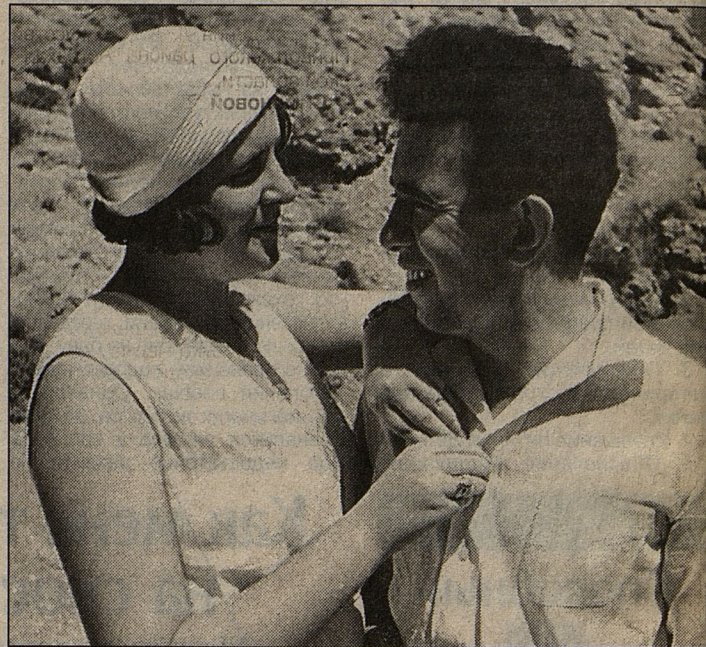
Наши семьи дружили — семейство Кнушевицких-Шпиллеров (а позднее сюда примкнули и Рапопорты) и семейство Зильбер-Киселевых. Началось все это в довоенные времена, когда в Кисловодске мой отец Лев Александрович Зильбер имел счастье познакомиться с Натальей Дмитриевной Шпиллер, а после войны этот дуэт превратился в квартет — добавились Святослав Николаевич Кнушевицкий и Валерия Петровна Киселева. В этом квартете каждый нежно любил остальных трех. Эта удивительная дружба за несколько десятилетий (!) никогда ничем не была омрачена. И несчастья, которые обрушились — трагически ранний уход дяди Светика (я никогда иначе не называл Святослава Николаевича) в зените его несравненного таланта и внезапная кончина Миши Рапопорта, зятя С.Н., — эти безвременные утраты были общим горем. Сейчас дружат второе и третье поколения наших семей. И, как и 50 лет назад, мы не мыслим себя раздельно.

Мне кажется, что среди многих талантов, прежде всего музыкальных, которыми природа одарила дядю Светика и тетю Наташу (так я всю жизнь называл народную артистку), был и еще один, может быть, еще более редкий — это способность к дружбе, лишенной даже тени прагматизма.

О доброте Святослава Николаевича ходили легенды, но в них не было преувеличения. Мы все знали, что он никогда не мог донести свою зарплату до дома. Почему-то на его пути оказывались всегда голодные студенты, и тогда могло быть одно из двух: либо их великой кормить (в доме Шпиллеров-Кнушевицких жила Поленка, женщина, которая могла накормить кого угодно в любой час дня и ночи), либо им выдавали наличность на "подкормку".

Перед каждым сольным концертом Натальи Дмитриевны в Большом зале консерватории Святослав Николаевич невероятно волновался, гораздо больше, чем перед своими выступлениями, но скрывал это очень своеобразно — острел (он был великий мастер по этой части), шутил над всеми вокруг, демонстрировал полную беззаботность и легкомыслие. Каждый успех Натальи Дмитриевны делал его счастливым — его темнокариные глаза, в которых скакали золотые искры, лучились радостью.

Я не знаю, существует ли внутренняя связь между именем человека и им самим. Святослава Николаевича все — от мала до велика — звали Свет или Светик — и, действительно, он излучал свет, который согривал всех вокруг. Его глубочайшая внутренняя свобода, интеллигентность, доброжелательность никогда не признавали социальных и возрастных границ — он был равно внимателен к мальчику и академику, выдающемуся музыканту и простому пенсионеру. Эта внутренняя культура была в то время чертой крайне редкой. Простота общения со Святославом Николаевичем была настолько органичной, что уже только спустя много лет, повзрослев, я понял, какой

Вверху: Н.Шпиллер и С.Кнушевицкий. Сочи. 1935 г.
С.Кнушевицкий, Л.Оборин, Д.Ойстрах и сэр М.Сарджент. Лондон. Май 1958 г.
Внизу: Г.Кассидо, П.Казальс и С.Кнушевицкий. Акапулько (Мексика). 1961 г.
С.Кнушевицкий, Н.Шпиллер и почти весь семейный клан. Новый Иерусалим. 1954 г.

это чудный дар и как он украшал мою юность.

По дороге с Тверской (тогда это была улица Горького) до Нового Иерусалима, где у нашего дружественного семейства была дача, Святослав Николаевич частенько нарушал правила, что приводило к собеседованиям с "гаишниками". Он был у них любимым нарушителем, ему прощали все, потому что он говорил с людьми так, что через пять минут располагал к себе любого собеседника, а при второй встрече это уже было свидание старых знакомых.

Будучи человеком легким для окружающих, он становился предельно серьезным, сосредоточенным, когда возникала Музыка, его бог и кумир. Когда я слушал Святослава Николаевича, я никогда не думал о том, как делается то, что я слышу, я просто слушал и ощущал, как человек может говорить звуками. Звук виолончели у Святослава Николаевича был невероятно близок к человеческому голосу. Мне было всегда важно видеть его глаза во время концертов — они говорили вместе со звуками. Любостью к голосу виолончели я целиком обязан Святославу Николаевичу. Позже я слышал многих виолончелистов, но до сих пор я не слышал такой человеческой виолончели, как у Кнушевицкого.

Мне кажется, что несравненные качества Кнушевицкого-человека особенно ярко проявлялись в ансамблевом исполнении. Великое трио Оборин — Ойстрах — Кнушевицкий было великим не только потому, что мы слышали одновременно трех выдающихся музыкантов, но еще и потому, что музыкант Кнушевицкий играл в трио так, чтобы максимально подчер-

нуть партии рояля и скрипки. Если в трио нет музыканта, способного на такое самопожертвование, то великого ансамбля не получится.

Когда я после одного из незабываемых концертов этого трио возжигался игрой Святослава Николаевича, немедленно последовало: "Да, и Лева, и Додик хороши, я старался им не портить", — и улыбнулся хитро-хитро. Много лет спустя мне рассказали, что как-то Святослава Николаевича пригласил сыграть вместе сонату Рахманинова для фортепиано и виолончели великий музыкант нашего времени. Кнушевицкий отказался, считая, что это может повредить его другу Л.Н.Оборину. Слушатели потеряли очень много, но дружба выиграла. Таков был Святослав Николаевич. Я могу вспомнить только еще одного музыканта, обладавшего такой же способностью к самопожертвованию, — С.Рихтера, когда он аккомпанировал Н.Дорлиак и Э.Долухановой, исполнявшим "Еврейские песни" Д.Шостаковича.

То, что в памяти следующего поколения С.Н.Кнушевицкий не занимает подобающего ему места (так мне кажется), отчасти повинна его, я бы сказал, патологическая скромность. Он испытывал отвращение ко всем видам рекламы, тем более саморекламы. Если его хвалили в глаза, он все превращал в шутку или начинал хвалить кого-то из своих друзей-музыкантов.

Замечательно, что уникальная коллекция нот виолончельной музыки, собранная Святославом Николаевичем, сейчас перешла к Виктору Шпиллеру, племяннику Натальи Дмитриевны, выросшему в этом семействе и в полной мере воспринявшему и скромность Святослава Николаевича, и его святое отношение к музыке.

Дом Кнушевицких-Шпиллеров был удивителен тем, что в нем все чувствовали себя просто, по-домашнему. Круг друзей, сложившийся за несколько десятилетий, был необычайно широк — академики медицины М.Скворцов и Л.Зильбер, блестящий професси-

ональный дипломат Б.Штейн, актер А.Ширвиндт, инженер Г.Королев, режиссеры И.Рапопорт и И.Данкман, профессора медицины Е.Кост и А.Недоступ, артистическая и музыкальная чета Дмитрия Николаевича и Валентины Павловны Журавлевых — невозможно перечислить здесь всех, увы.

Трудно быть мужем красивой женщины. Еще труднее, если она умна и талантлива. Все эти качества естественно соединились в Наталье Дмитриевне, что притягивало к ней самых блестящих поклонников. Как могло быть иначе, если русская красавица, высокая, статная, с обворожительной улыбкой и великолепным оперным сопрано, была к тому же еще и не по-женски умна и по-женски участлива и тепла. Святослав Николаевич с затаенной иронией наблюдал за хороводом почитателей своей жены, будучи ко всем равно расположенным и никому не притягиваясь любоваться его Натой. Я не знаю, ревновал ли он, но мне кажется, он был счастлив тем, как

привлекательна его жена, и хорошо понимал тех, кому она нравилась. Он-то ее не только страстно любил, он ее обожал, боготворил, оберегал, лелеял, пытаясь все эти чувства скрыть за остротами, дуракавалянием, подчеркиванием главенства Наты в доме.

Дядя Светик был очень заботлив и нежен со своей мамой и с тещей Марией Николаевной Поляковой (по-домашнему Бусей), выдающейся русской певицей, солисткой частной оперы Зимина, передавшей дочери свой талант. Она его совершенно обожала за неумный веселый нрав и безбрежную доброту. Они были замечательной парой, где каждый смотрел на другого влюбленными глазами, и огромная разница в возрасте совсем не была тому помехой. Вообще, дядя Светик как-то по-особому бережно относился к пожилым людям.

Как человек, щедро одаренный природой, он радовался талантности других людей. Наверное, он до последнего своего часа так и не узнал, что такое чувство зависти. Он искренне восхищался кулинарными творениями моей мамы ("Валера, дай мне с собой твои пирожки"), он с восторгом приветствовал шуточные стихотворные описания моего отца. У Святослава Николаевича было живое воображение и совершенно неподражаемое чувство юмора.

Однажды близкая родственница Наталья Дмитриевна Людмила Сергеевна, жена ее брата Всеволода Дмитриевича, дама в высшей степени образованная и получившая блестящее воспитание (она происходила из старинного польского рода Радзивиллов), заметила, что в хороших домах принято подавать на стол только то, что приготовлено дома. Без малейшей заминки Святослав Николаевич придвинул Людмиле Сергеевне черную икру со словами: "Кушайте, кушайте, сегодня утром с Бусей метали". Другого гостя он потчевал грибами, приговаривая: "Кушайте, кушайте, это ж опенки". Гость вздрагивал и не понимал, как это такое возможно в приличном доме, а Святослав Николаевич был счастлив.

У меня есть очень сильное желание, которое, даст Бог, исполнится, иметь дома диск, на котором будет и трио Оборин — Ойстрах — Кнушевицкий, и Кнушевицкий соло, и Н.Д.Шпиллер (многие помнят ее Татьяну в "Онегине", Маргариту в "Фаусте", Иоланту, романсы Чайковского), и Виктор Шпиллер — прекрасный интерпретатор современной русской классики — Шнитке, Денисова, Губайдулиной, и дирижер Иван Шпиллер там тоже прозвучит, и Мария Кнушевицкая, и Андрей Рапопорт. "Семейный диск" Шпиллеров-Кнушевицких стал бы событием музыкальной жизни, так как вернул бы новому поколению любителей музыки принадлежащее им по праву. К счастью, сохранились прежние записи, а современная техника творит чудеса, и часовой или полтора-часовой лазерный диск был бы украшением частных собраний.

Занятия биологией привели меня к мысли, что одно из коренных отличий человека от остального живого мира состоит в том, что человек обладает бесценным даром природы — долгой памятью. Разве не чудо, что мы в деталях помним то, что случилось с нами 50 — 60 лет назад? Я благодарен судьбе, которая подарила мне дружбу этой неповторимой семье, и моей памяти, которая возвращает мне вновь голоса, улыбки, души дорогих мне людей.

Лев КИСЕЛЕВ

Автор этих заметок Лев Львович Киселев, член-корреспондент Российской академии наук, действительный член Академии Европы (Academia Europaea), председатель Научного совета по проблемам молекулярной биологии и генетики Российской академии наук, редактор журнала "Молекулярная биология", заведующий лабораторией Института молекулярной биологии имени В.А.Энгельгардта Российской академии наук, специалист в области молекулярной биологии и биохимии.